

Ю.М. Плюснин

**ЛИЧНОСТЬ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР:
МОДЕЛИ СОЦИАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Новосибирск1995

**Институт философии и права
Сибирское отделение Российской академии наук**

Ю.М. Плюснин

Личность на перекрёстке культур: модели социализации в условиях межкультурного взаимодействия. – Новосибирск: Издание ИФПр СО РАН, 1995. – 26 с.

© Ю.М. Плюснин, текст, иллюстрации,
оформление, 1991

«Порождать рационалистов, материалистов, специалистов, техников, короче существвателей, которые не сознавая своего происхождения, погрязли в современности и содействуют расщеплению социальности, не может быть задачей воспитания...»

К.Г. Юнг

Для современного мира, в котором национальные экономики интегрированы «мировым хозяйством» и практически создана единая информационная и транспортная сеть, характерно, как ни в какое другое время, подавление этноцентристских тенденций и доминирование интернационального, «внеэтнического» направления развития. И национальные государства, сложившиеся на основе одного этноса, и государства, полиэтничные по своему составу, имеют одну общую и усиливающуюся тенденцию, заключающуюся в нивелировании сугубо этнического компонента в содержании национальной культуры. Утрата этнического своеобразия обуславливается изменениями в процессе поколенной трансляции культуры, причиной которых является интенсивное взаимодействие культур. Одним из конечных результатов этого взаимодействия оказывается появление маргинальной личности.

Маргинальная личность — индивидуальность, сформировавшаяся на стыке двух разных культур, часто далеких друг от друга, индивидуальность, постоянно пребывающая на грани, колеблющаяся в выборе стиля своего поведения между той и другой культурами и потому вынужденная затрачивать значительные усилия на поддержание внутреннего равновесия. Поскольку эти усилия далеко не всегда дают результат, маргинальная личность, находящаяся в постоянном поиске своего места в обществе (и потому обладающая сниженной социальной приспособленностью) и в культуре (поэтому нередко, в конечном счете, отвергающая ее), исходно обречена на страдание.

Распад культурных стереотипов и размывание этнических границ не только на уровне общественного идеологизированного сознания, но и в повседневной жизни людей, как бы дает человеку способность ощущать культурное многообразие, но на деле он теряет чувство целостности и исключительности своего этнического мировосприятия.

Человек, который не только генетически является представителем двух разных, не всегда смежных этнических групп, но и как личность формируется, вырастает в двух этих культурах одновременно, неизбежно оказывается на периферии и той, и другой. В отличие от сородичей, не испытавших в своем развитии влияния иной, неродственной культуры, такой человек способен видеть пределы каждой из родительских культур. Проживая внутри той и другой, будучи продуктом каждой из них, он, в то же время, выступает как бы их сторонним созерцателем.

Особенное, выделенное положение маргинальной личности, предоставляя ей, с одной стороны, мировоззренческие преимущества, с другой стороны, не позволяет целиком погрузиться в культуру, лишает чувства культурной партикулярности. Обретение этого чувства предполагает длительное «введение в культуру» — процесс социализации индивида. Социализация имеет определяющее значение для формирования маргинальной личности. Именно от того, в какой степени и на сколько будет «уклоняться» процесс социализации от культурных стереотипов, традиций, зависит и то, пойдет ли развитие личности по «нормативному» для данной этнической общности либо по маргинальному пути.

Как происходит формирование маргинальной личности, каковы его существенные отличия от процесса формирования личности в традиционном или современном, этнически и культурно однородном обществе? Я предполагаю рассмотреть данную проблему на примере взаимодействия культур малых народов Крайнего Севера с «вмещающей» культурой русского этноса. С одной стороны, этот пример типичен, поскольку все традиционные культуры малых народов циркумполярного региона в Европе, Азии и Северной Америке испытывают сильное ассимиляционное давление со стороны европейских по происхождению культур. В силу существенных социокультурных и социально-экономических различий это давление значительно сильнее, чем в других регионах мира. С другой стороны, принадлежность культур разным типам обществ — традиционному и современному индустриальному — позволяет, из-за принципиальных различий между ними, построить модель социализации на альтернативных исходных параметрах. Кроме того, эта модель может быть наполнена эмпирическим содержанием, базирующимся на результатах полевых социально-психологических и социологических исследований.

Как заметил К.Г. Юнг, определяя экстравертированный и интровертированный типы реакций, вся жизнь человека протекает в двух, далеко не совпадающих сферах: сфере общественной жизни, деловых взаимоотношений, и сфере семьи, в быту [1]. В каждой из них индивид строит свое поведение по-разному; соответственно, и то влияние, которое

оказывают обе эти сферы на развитие человека, процесс индивидуализации, имеет разное направление и неодинаковое значение на ранних и поздних этапах социализации. Следовательно, для того, чтобы концептуально разработать проблему социализации индивида по маргинальному типу, мы должны подойти к ее обсуждению с двух сторон, составляющих необходимые условия этого процесса.

Во-первых, следует рассмотреть предпосылки, которые создают развитию личности социальные отношения, присущие различным типам обществ: ведь именно разница в характере социальных отношений и составляет тот дифференциал, величина которого определяет степень маргинализации личности. Во-вторых, следует обратиться к анализу влияния различных форм семейных отношений, присущих тому или другому типу обществ, на процесс «введения в культуру» нового члена общества. В результате анализа этих необходимых условий социализации могут быть сформулированы основные положения, позволяющие построить модель формирования маргинальной личности.

«Община» и «общество»

(человек в традиционном и современном обществе)

В социологии и этнологии давно отмечен тот факт, что человеческие общества различаются не только по географическим, биологическим (экологическим и расово-демографическим), историко-культурным и экономическим условиям их существования, но и по некоторым принципиальным структурным признакам. По разным классификационным основаниям общества обычно делятся на два почти полярных типа, и в зависимости от характера оснований исследователи отмечают в названии ту или иную особенность общества. Если в качестве основания принимается характер социальных связей, то противопоставляются «община» и «общество» (традиция Ф. Тенниса), если характер культурно-исторических процессов — «холодные» и «горячие» общества (структуралистская традиция), если же тип воспроизводства культуры — противопоставляются «традиционные» и «универсалистские» общества (С.Н. Айзенштадт).

По каким бы основаниям — социологическим, культурологическим, историческим, экономическим или даже демографическим — не подразделялись общества на полярные типы, они репрезентируют одни и те же реально существующие человеческие коллективы. В концепциях разных исследователей упор делается на той или иной важной особенности, каждая из которых заставляет относить данное общество к одному

из полярных типов. В то же время такой классификационный прием, противопоставляющий два типа обществ, является идеализацией, которая не допускает прямого сопоставления с реальными человеческими обществами. Однако, таким образом фиксируются крайние точки континуума, между которыми может быть распределено все многообразие исторически преходящих форм обществ. Этими точками задаются классификационные признаки социальных систем.

В социологии известной типологией обществ является концепция Фердинанда Тенниса «Gemeinschaft» - «Gesellschaft» [2]. Его представление о двух типах обществ основано на противопоставлении двух типов социальных связей — общинных и общественных. Общинные связи основываются, по Теннису, на трех типах отношений: родовых (в первую очередь, кровно-родственных); отношениях «соседства», обусловленных совместным проживанием людей, находящихся в семейно-родственных отношениях; отношениях «дружбы», «основывающихся на сознании духовной близости или родства, поскольку такое сознание постулировано или положено в основу какого-либо рода совместной жизни; они приобретают особое социальное значение, когда осознаются как общая религиозная принадлежность, как община» [2, с.166].

Положение человека в общине обусловлено частными, непосредственными отношениями; человек выступает здесь как органичная часть социального целого, которое логически первично и предопределяет индивидуальную жизнь своих членов. Поэтому в общине индивидуальная деятельность детерминирована некой сущностной волей (Wessenwille, по определению Ф. Тенниса), волей целого, волей общинной жизни. В своем индивидуальном развитии, в процессе социализации человек полностью подчинен этой воле. Социализация индивида носит здесь органический характер — он возвращается внутри этого целого как его неотъемлемая часть.

«Общество» как тип, альтернативный «общине», основывается на отношениях другого рода. В основе их лежит, прежде всего, рациональный обмен, смена находящихся во владении вещей, т.е., в конечном счете, экономические отношения. Здесь общинные отношения представлены лишь частично, основу составляют отношения, рациональные по своей природе, предполагающие установление функциональных связей между разделенными индивидами, которые чужды друг другу. Поэтому субъектами таких отношений могут быть не только индивиды, как в «общине», но и группы, коллективы, кланы, организации, даже государства, т.е. формальные, а не физические лица. «Сущность всех этих отношений и связей заключается в сознании полезности и ценности, которой обладает, может или будет обладать один человек для другого и

которую этот другой обнаруживает, воспринимает и осознает. Отношения такого рода имеют, следовательно, рациональную структуру» [2, с.167}).

В «обществе» деятельность его членов подчинена «Kurwille» — воле, расчлененной на множество, частных суверенных волей, волей индивидов, объединяющихся в своей деятельности на рациональной (и потому произвольной) основе. Рациональную базу имеет в «обществе» и процесс индивидуального развития: социализация новых членов общества имеет формально-институционализированный характер.

«Община» и «общество» в типологии Ф. Тенниса — конструированные, идеальные типы, которым не соответствует никакое реальное человеческое общество. Любое сообщество людей обладает признаками и «общины», и «общества» одновременно, но в разной пропорции. В одних — исторически более ранних — случаях преобладают общинные отношения, в других — исторически более поздних — рациональные социальные отношения. Реальные сообщества составляют как бы континуум, располагаясь по оси, один полюс которой — «общинные», другой — «общественные» связи. В типологии Ф. Тенниса эта ось ориентирована во времени: общественное развитие идет в направлении от общины к обществу, следовательно, исторически социальные образования с преобладанием «общинных» отношений предшествуют социальным образованиям с преобладанием «общественных» отношений. Это предполагает преемственность полярных типов обществ и, тем самым, наличие некоторых минимальных общих оснований для межкультурного взаимодействия. «Община» и «общество» оказываются взаимно проницаемыми, между ними возможен обмен.

Однако, межкультурное взаимодействие будет тем более асимметричным, чем дальше друг от друга располагаются на оси реальные общества. Поскольку межкультурное взаимодействие — всегда обмен, и направление развития задано: от общинного типа отношений к современным универсалистским, то результатом такого взаимодействия почти всегда будет перенос культурных заимствований (новаций) от более продвинутого общества — к менее продвинутому. Асимметричность взаимодействия создает ассимиляционный потенциал культуры: общество, ближе стоящее к полюсу «общинного» типа отношений, несмотря на свою закрытость, традиционный характер, оказывается реципиентом культурных инноваций, а их источником — общество, стоящее ближе к современному типу.

Начавшиеся процессы ассимиляции и интеграции только в самом начале имеют форму обмена между взрослыми индивидами. В дальнейшем основу их составляют институционализированные структуры, посредством которых они внедряются в процесс социализации индивидов, т.е.

проникают к самым корням культурной самобытности. В зависимости от степени ассимиляционного (инновационного) давления претерпевает изменения и процесс социализации, и чем более выражены различия между взаимодействующими культурами, тем больше социализация приобретает расщепляющий характер и приводит к формированию бикультурной, маргинальной личности.

Таким образом, главнейшим условием формирования маргинальной личности является величина культурных различий, исходно существующих между пришедшими во взаимодействие обществами. Однако, данное условие всегда опосредовано, действие его проявляется через иные социокультурные механизмы. Основным из таких механизмов является процесс поколенной трансмиссии культуры, который через институт семьи определяет характер социализации индивидов.

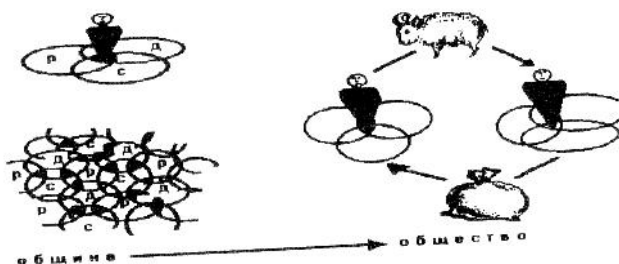

Рис. 1. Данная схема может служить поверхностной иллюстрацией концепции Ф. Тенниса, в которой противопоставлены «община» и «общество». Существование «общины» опосредовано тремя типами социальных связей: родовыми отношениями (Р), отношениями «соседства» (С) и отношениями «дружбы» (Д), и каждый член «общины» постоянно является субъектом всех трех типов отношений. Их совокупность составляет «социальный круг», который охватывает всех участников взаимодействия, создавая, тем самым, органическое единство «целого». В противоположность этому, в «обществе» отношения между субъектами носят характер рационально организованного обмена, «общинные» же отношения имеют при этом лишь подчиненное значение. Поэтому «общество» остается по преимуществу механическим агрегатом, совокупностью частей, единством, достигаемым конвенциональными средствами.

Семья как институт социализации в традиционном и современном обществах

Значение семьи как института социализации хотя и изменяется со временем, но остается ключевым. По этой причине и модели социализации, принятые в том или ином обществе, будут находиться в тесной зависимости от форм семейных отношений. Сами же эти формы оказываются исторически преходящими и различными в традиционном и современном типах обществ.

В свое время нами была построена типология форм семей, свойственных высшим животным и, в том числе, человеку [3]. Основанием для такой типологии явилось представление о семье не как о сексуально-брачной связи репродуктивно-активных индивидов, а как об отношениях, устанавливающихся между этими индивидами по поводу своего потомства (такое определение автоматически предполагает наличие хозяйственно-экономического основания семьи).

Отдельные формы семьи выделяются по числу родителей мужского и женского пола, участвующих в воспитании своего потомства (родитель отсутствует; один родитель; два и больше родителей одного пола, совместно воспитывающих своих детей). Комбинация возможного числа родителей обоих полов дает матрицу 9-ти возможных форм семей (рис.2).

		Число родителей мужского пола		
		0	1	2, 3, ..., n
Число родителей женского пола	0	«братства» (дети без родителей)	неполная полунуклеарная семья (отец-одиночка)	форма не встречается
	1	неполная полунуклеарная семья (мать-одиночка)	моногамная (нуклеарная или ветвевая патриархальная)	полиандрическая семья (многомужество)
	2,3, n	«женский дом» (группа матерей-одиночек)	Полигамная семья (многоженство)	«пуналуальная» (групповая) семья

Рис. 2. Матрица возможных форм семей, свойственных различным типам человеческих обществ

Человеку, как и прочим млекопитающим, совершенно не свойственна одна из этих форм — объединение двух или более отцов со своими детьми. Дополнительная к этой форме — «семья», состоящая из нескольких матерей-одиночек, ведущих общее хозяйство, как исключение, существовала в традиционных обществах всегда, а в современном цивилизованном мире начинает даже получать распространение [4], правда, меньшее, чем неполная семья, состоящая из отца-одиночки. В противовес этому неполная семья типа мать-ребенок становится в современном обществе правилом, а доля таких семей в некоторых странах составляет 1/3 всех семей (в некоторых социальных труппах даже 2/3, как, например, у негритянского населения Соединенных Штатов Америки). Семьи без родителей (дети-сироты, самостоятельно ведущие хозяйство, так называемые «братства») так же, как и неполные семьи, будучи исключительным случаем в традиционном обществе, получают все большее распространение в универсалистском обществе [5]. Эту тенденцию отражают соответствующие социальные институты, и, может быть, не столько распространяющиеся детские дома, сколько возникшие лишь в начале нынешнего века детские сады и ясли, взявшие на себя родительские обязанности (рис.2).

Хотя моногамная семья («христианский брак») и получила повсеместное распространение, все же не она, а полигамная семья более свойственна традиционному обществу. При сравнительно-этнологическом исследовании 142-х традиционных обществ были получены примечательные результаты: полигамия характерна для 100 существовавших и существующих ныне обществ, тогда как моногамия отмечена только в 40; в двух обществах была принята полиандрия [6]. При этом моногамная семья в традиционном обществе — это патриархальная ветвевая, объединяющая в одно хозяйство нередко более двух родственных нуклеарных семей во главе с патриархом.

В современном же обществе ветвевая семья все более вырождается в нуклеарную семью, представленную парой родителей и потомством. Поэтому патриархальная семья традиционных обществ находится в тесной связи с полигамными формами брака и в еще большей степени — с групповой, «пуналуальной» семьей [7]. Последняя форма, которую иногда (совершенно неправильно) называют промискуитетом, присуща, по-видимому, самым архаическим обществам и к настоящему времени практически перестала существовать.

Таким образом, формы семей, присущие традиционному и современному типам обществ, большей частью различны. «Общинному» типу социальной организации человека соответствуют полигамия, ветвевая патриархальная и, по всей видимости, групповая «пуналуальная» формы

семей. Все они отражают, в первую очередь, родовой (клановый) и территориальный характер «общины». Редкими дериватами для традиционного общества являются полиандрическая семья и «семья» в форме группы женщин.

Современному типу социальной организации — универалистскому обществу — соответствует моногамная нуклеарная семья, состоящая из двух, реже — трех поколений; при этом все большее распространение получают неполные (полунуклеарные) семьи — матери-одиночки и отцы-одиночки. Одновременно наблюдается редкая еще тенденция объединения неполных семей типа мать-ребенок в групповую женскую семью и появления «сиротских» семей. Тем самым, в формах семей, присущих современному обществу, проглядывает основная его характеристика, обусловленная рационалистическим типом отношений: формально-функциональные связи индивидов, которые не основываются ни на родственных, ни на соседских, ни на дружеских отношениях.

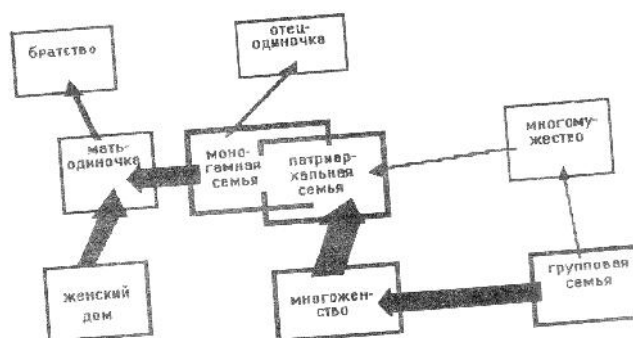

Рис.3 Схема вероятной эволюции форм семей в традиционном и современном типах обществ. Исторически утраченная форма групповой семьи ("пуналуального брака"), широко представленная, вероятно, в архаических обществах, развилась в типичную для традиционных обществ полигамную семью и параллельно — в патриархальную ветвевую семью. Социальная эволюция, обусловившая формирование общества современного типа, привела к редукции ветвевой патриархальной семьи до стадии нуклеарной моногамной и далее — неполной семьи матерей- и отцов-одиночек. Вероятное дальнейшее направление развития семьи — передача функций воспитания потомства в руки ему самому ("сиротские семьи") или под контроль специальных социальных институтов (детские дошкольные учреждения, интернаты, детские дома). Эволюция форм семей приводит к неизбежному изменению моделей социализации, поскольку последние в значительной степени зависят от семейных отношений.

Если мы примем в качестве исходного положения, что эволюция социальных систем идет в направлении от «общины» к «обществу», то соответствующая ей смена форм семей (зафиксированная и на историко-этнографическом материале) имеет одну, определенно выраженную тенденцию (схема представлена на рис. 3).

Групповая семья (семья-клан) развивается в полиандрическую и ветвевую патриархальную семью. Последняя трансформируется (в результате перехода от традиционных — к современному типу отношений) в моногамную нуклеарную семью. Дальнейшая социальная эволюция, первые этапы которой проходят на наших глазах, приводит ко все более широкому распространению неполной (полунуклеарной) семьи, вариантами которой являются семьи в форме матери-одиночки, отцы-одиночки (их пропорциональное соотношение 9:1); дериватами неполных семей оказываются «женские дома» и — все чаще — «сиротские» семьи

Эта эволюция семейных форм неизбежно приводит к одному важному обстоятельству, имеющему значение для процесса поколенной трансмиссии культуры и характера социализационных тенденций. Развитость родственных и поколенных связей, которая характерна для групповой, полигамной и патриархальной форм семей, допускает одну определенную модель социализации индивида, ключевой точкой которой являются межпоколенные отношения (отношения «отцов и детей»).

Наоборот, редуцированные нуклеарные и полунуклеарные формы семей ориентированы на внешние по отношению к семье, институционализированные механизмы социализации и, тем самым, на внутривоколенные отношения (отношения сверстников). Иллюстрацией таких изменений в процессе социализации личности может послужить исследование глубины «поколенной памяти» индивида о своих родителях и предках 3-го, 4-го и далее колен [5]. (См.: Рис. 4).

Человек, выросший в семье ветвевоего типа, представленной, как минимум, тремя поколениями, обладает значительно лучшей «поколенной памятью», чем человек, воспитанный в семье только с двумя или одним родителем. Эти результаты свидетельствуют не просто о различной степени включенности индивида в систему межпоколенных отношений, но и отражают принципиальные различия моделей воспитания. Формы семей традиционных обществ ориентированы на межпоколенные отношения, формы семей современного типа — на внутривоколенные отношения. Доминирование тех или других отношений непосредственно сказывается на процессе социализации — центральном звене воспроизводства культуры. Особенности воспроизводства и трансляции культуры в традиционном и современном обществах в аспекте их противопоставления раскрывает генерационная концепция С. Н. Эйзенштадта [8].

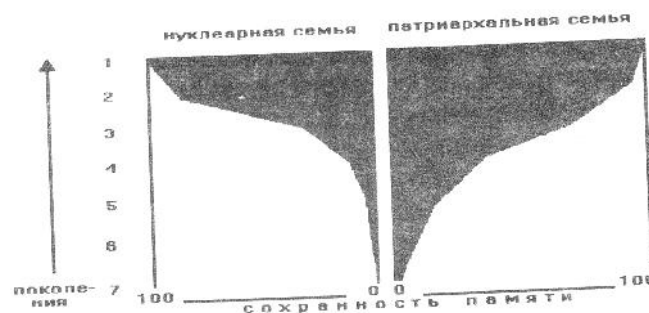

Рис.4. Сохранение памяти о родителях и предках у людей, выросших в нуклеарной и ветвевой моногамных семьях. Если в первом случае сохраняется память в основном только о родителях, тогда как память о предшествующих поколениях имеет фрагментарный характер, то во втором случае индивид обладает хорошей осведомленностью не только о дедах и прадедах, но даже и о более далеких предках.

Поколенная трансмиссия культуры и модели социализации в традиционном и универсалистском обществах

Важное значение для целей нашего исследования имеет концепция С.Н. Айзенштадта, поскольку, связывая альтернативные типы обществ — традиционное и универсалистское — с внутри- и межпоколенными отношениями, складывающимися в процессе воспроизводства феноменов культуры, она может рассматриваться в качестве основания для построения модели социализации индивида в условиях межкультурных взаимодействий [9].

Основываясь на представлении о традиционном и современном (универсалистском) типах обществ, находящихся в таком же оппозиционном отношении друг к другу, как «община» и «общество» Ф. Тенниса, Айзенштадт ставит в соответствие им типы поколенных отношений, которые обеспечивают воспроизводство и передачу культуры. Традиционное общество, основу которого составляют род, патриархальная семья, соседская община, поддерживает культурную непрерывность преимущественно за счет межпоколенных отношений. Трансляция культуры идет в направлении от старших по возрасту к младшим, от родителей — к потомкам; субъектами ее остаются семья, род, соседская община. «Критерий возраста как принцип распределения ролей важнее всего в тех

обществах, в которых базовые ценностные ориентации находятся в гармонии с теми, которые присущи человеческому образу возраста, т.е. являются партикуляристскими, диффузными и аскриптивными. В таких обществах мы обычно находим, что семья и родственная группа оказываются основой социального разделения по возрасту. Межпоколенные (возрастно-различные) отношения, основывающиеся на родственном единстве, представляются фундаментальными формами взаимодействия между разными поколениями, тогда как внутр поколенные (возрастно-однородные) связи имеют лишь второстепенное значение» [8, р.49]. Поскольку трансляция культуры в традиционном обществе осуществляется в основном по направлению от старшего поколения — к младшему, то, соответственно, в пределах круга кровных родственников проходит и сам процесс «введения в культуру» каждого нового члена общества, т.е. социализация индивида.

Совсем иные тенденции присущи обществу универсалистского типа. Здесь семья, клан, родственная и соседская общины практически утратили свой статус в качестве центрального элемента трансляции культуры. Возрастно-разнородные связи, отношения «родители-дети» утрачивают свое значение, члены семей взаимодействуют друг с другом мало; преобладают тенденции к формированию возрастно-однородных групп, члены которых объединены уже на основе критерия сходства по возрасту и потому являются чаще неродственными между собой индивидами.

В универсалистском обществе доминирующее значение возрастно-однородных связей закрепляется механизмом институционализации различных по своему значению ролей. Индивид оценивает свои позиции в ролевом распределении на основе критериев универсализма и солидарности. Создается и закрепляется преимущественно горизонтальная структура поколенных отношений, что приводит к редукции межпоколенных связей и относительной изоляции поколений. В таком обществе постоянно острой остается проблема «отцов и детей», поскольку исчезают принципиальные возможности ее бесконфликтного разрешения. Характерная для универсалистского общества семья нуклеарного типа (а нередко и неполная семья) создает объективные предпосылки для сокращения до минимума межпоколенных связей индивида.

В соответствии с этими выразительными тенденциями, присущими современному обществу, социализация индивида осуществляется преимущественно через специальные институционализированные структуры (ясли, детский сад, школу, вуз, производственный коллектив), а также через структуры, оказывающиеся порождением внутр поколенных отношений (клубы, секты, банды и другие подобные организации, объединяющие сверстников на неформальной основе).

Таким образом, модели социализации в обществах традиционного типа обеспечиваются преимущественно внутрисемейными механизмами, базируясь на широких кровно-родственных связях и отношениях соседства и партикулярное. В обществах же современного универалистского типа эти модели обеспечиваются уже не столько внутрисемейными, сколько институционализированными, социально обусловленными механизмами, ориентированными на унифицированный массовый процесс «изготовления» новых членов общества. Такое различие обусловлено, прежде всего, тем обстоятельством, что конечной целью социализации в любом обществе является формирование функционеров, которые выступают в качестве субъектов системы жизнеобеспечения общества. В то же время, системы жизнеобеспечения «общины» и «общества» имеют принципиальные различия. И дело здесь не только в том, что в первом случае социализированный индивид становится полноправным субъектом системы жизнеобеспечения, а во втором — только частичным («винтиком» экономической машины). Важно также то, что система жизнеобеспечения традиционного общества строится исключительно или преимущественно на соседско-родственных и альтруистических отношениях, тогда как универалистского общества — на отношениях обмена. Как следствие этого, экономика общины «индивидуально-центрирована», тогда как экономика универалистского общества сфокусирована на соответствующих социальных институтах, безличных по своей природе.

Система жизнеобеспечения традиционного общества находится в существенной экологической зависимости от природной среды (присваивающе-производящая экономика). Она унитарна и узкоспециализированна: какой-либо один объект хозяйствования существенно преобладает в этом обществе над всеми остальными вместе взятыми (одно общество занимается охотой на крупных морских млекопитающих, другое — кочевым оленеводством, третье — выращиванием маиса или пшеницы).¹⁾

Специализация и «одноуровневость» экономики определяют высокий консерватизм хозяйственных отношений и такую структуру связей между индивидами, которую можно определить как «элементаризм»: каждый член общины в одном лице воплощает целиком всю систему жизнеобеспечения (будучи поэтому ее полноправным субъектом). Он способен исполнять все необходимые функции и заменить в своей деятельности любого другого взрослого члена общины.

Такая простая структура системы жизнеобеспечения традиционного

¹ Специализация систем жизнеобеспечения традиционных обществ и явилась предпосылкой создания теории культурно-хозяйственных типов.

общества требует от последнего наличия двух важных свойств: во-первых, необходимо, чтобы общество было способно к быстрой подготовке функционеров, обладающих всеми производственными навыками (обеспечение эффективности системы жизнеобеспечения); во-вторых, общество должно обладать достаточным резервом «функциональных элементов» (обеспечение надежности в условиях высокой экологической зависимости).

Соответственно такой модели жизнеобеспечения и задачи социализации в традиционном обществе сводятся к возможно более быстрой подготовке достаточно большого числа новых членов, обладающих всеми необходимыми производственными навыками. Модель воспитания имеет здесь следующий общий вид: с раннего детства и до возраста половозрелости (к 15 годам у мужчин, к 12 — у женщин) индивид должен овладеть всеми требуемыми «профессиями» и всей совокупностью культурных знаний. Тем самым, «элементаризм» экономики требует «универсального» функционера и — по меркам традиционного общества — гармонично развитую личность (рис.5).

Система жизнеобеспечения универсалистского общества имеет иные характеристики. Его экономика — производящая, многоуровневая по структуре, поэтому здесь нет непосредственной экологической зависимости от внешней среды (соответственно, нельзя выделить культурно-хозяйственный тип). Связь и взаимозависимость множества отдельных структурных компонентов системы жизнеобеспечения делают ее автономной и самоорганизующейся. Платой за эту самодостаточность структуры оказывается включенность индивидов в качестве отдельных узкоспециализированных элементов того или иного компонента системы жизнеобеспечения.

Каждый из них, обладая соответствующей квалификацией только в одной определенной области, выступает лишь как часть конкретного производственного механизма. В соответствии с этой системой требований находится и модель воспитания. Основная задача здесь — максимальна широкое и продолжительное образование на первом этапе социализации и узкая профессиональная специализация — на завершающем этапе.

Реальные общества, которые мы приводим в соответствии с типом традиционного или универсалистского, имеют, таким образом, существенно разные модели социализации индивидов, что обусловлено как типом экономических отношений, так и характером воспроизводства культуры, обеспечиваемого поколенными механизмами. По своим основаниям модели социализации оказываются альтернативными в той же мере, в какой альтернативны социально-экономические составляющие двух типов культур.

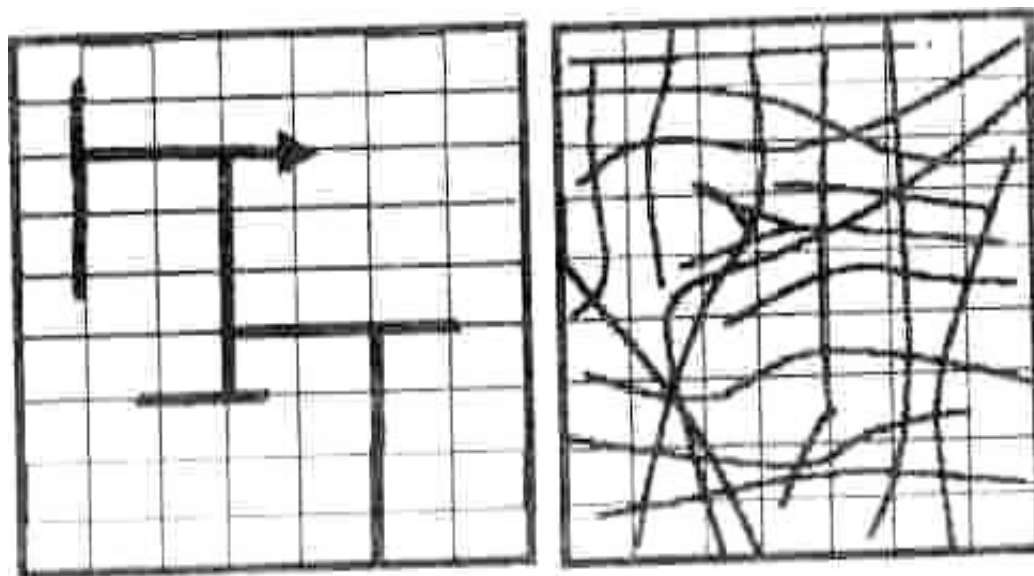

Рис.5. Схематичное изображение моделей социализации индивида в традиционном и современном типах обществ. Воспитание индивида в традиционном обществе ориентировано на быструю подготовку функционера, располагающего всей суммой знаний и способного их применять в своей практической деятельности. Системы социализации мужчин и женщин в этом обществе разобщены, но в пределах своей половой группы каждый индивид взаимозаменяем в силу универсального характера традиционного образования.

Процесс воспитания в современном обществе предполагает «включение» индивида во все сферы культуры путем его широкого образования. Общее и одинаковое для всех образование, растягивающееся на 15 и даже 20 лет, создает базу для последующей профессионализации. Узкая профессиональная специализация приводит к появлению изолированных профессиональных групп (цехов) и на этой основе — социально профессиональных групп. Результатом такой модели социализации оказывается «мозаичность» современного общества: оно расслоено, и слои эти разделены уже скорее не сословными, а профессионально-экономическими границами.

Модель социализации маргинальной личности

Когда традиционное общество приходит в соприкосновение с обществом современным, «погружается» в него, и когда традиционная культура начинает «растворяться» в универсалистской культуре, необходимым изменениям подвергается присущий человеку традиционного общества «образ мира» и система отражающих его понятий. Хаотичный и мозаичный «образ мира», свойственный человеку современного общества, поглощает и уничтожает структурированный, иерархически упорядоченный и связный «образ мира» человека традиционного общества (рис.6).

традиционная культура

современная культура

Рис.6. «Экран культуры» в современном и традиционном обществах, на который человек проецирует и с которым сопоставляет свое восприятие внешнего мира. У традиционной культуры этот «экран культуры» имеет рациональную «сетчатую» структуру. По целостной и стройной сети понятий человек, переходя от одного понятия к другому, легко соотносит новые понятия со старыми. Современная культура предлагает для такого сопоставления экран с массой спутанных как попало и размещенных в полном беспорядке волокон. Этот экран вырабатывается в результате погружения индивидуума в поток разрозненных, иерархически неупорядоченных сообщений; в результате структурность его мышления крайне ограничена. «Мозаичность» современной культуры обуславливает погруженность индивидуума в хаос понятий близкого порядка. В противоположность этому, человек традиционной культуры располагает сетью иерархически упорядоченных понятий дальнего порядка (по: А. Моль. Социодинамика культуры. М., 1973. С.44).

Давление современной культуры носит тотальный характер и воздействует на человека на всех этапах его развития. Но наиболее сильным и неблагоприятным это давление оказывается в том случае, когда оно идет параллельно и одновременно с формированием мировоззренческой системы, присущей традиционному обществу, т.е. когда индивидуум, воспитываемый в традиционной культуре, оказывается включенным в то же время и в современную культуру.

Совмещение альтернативных моделей социализации дает не новую модель, но сохраняет основные черты обеих исходных моделей. И именно такая неинтегрированная, «раздвоенная» модель социализации оказывается условием формирования маргинальной личности. Механическое наложение двух принципиально различных моделей приводит к ситуации, когда ребенок, будучи представителем традиционной культуры, на ранних этапах социализации получает соответствующее воспитание, ориентированное на виды деятельности, большинство из которых теряют свое значение в условиях экономики современного общества.

На следующих этапах, в период школьного и специального образования, он попадает в условия воспитания с совершенно иной — универсалистской — ориентацией. Здесь он бывает надолго выключен из системы традиционного воспитания, поскольку зачастую получает образование в условиях интерната, в отрыве от семьи и общины.

Последующее узкое профессиональное образование оказывается мало связанным и с общим школьным образованием и, тем более, с воспитанием, готовящим юношу или девушку к традиционным видам деятельности. С одной стороны, индивидуум ориентирован на деятельность «максимальных возможностей» в рамках полученного традиционного воспитания, деятельность универсальную и уникальную одновременно (личностное своеобразие каждого оказывает сильнейшее влияние на результаты деятельности); именно поэтому человек традиционного общества располагает большими возможностями реализовать себя как личность, чем современный человек [10]. С другой стороны, этот человек, уже как представитель современного общества, должен прилагать свои силы в узкой профессиональной области, не имея здесь возможности проявить многие ранее воспитанные качества (рис. 7).

Это решающее противоречие усугубляется противоположными ориентациями, которые задают индивиду традиционная и современная культуры в бытовой и общественной сферах его жизни. Сильная ориентация на родственные и соседские связи, непосредственное (т.е. не заданное функционально) общение как составляющие будущей деятельности традиционного общества противостоят не менее сильной

ориентации на внутрипоколенные профессионально детерминированные связи, задаваемые институтами социализации современного общества.

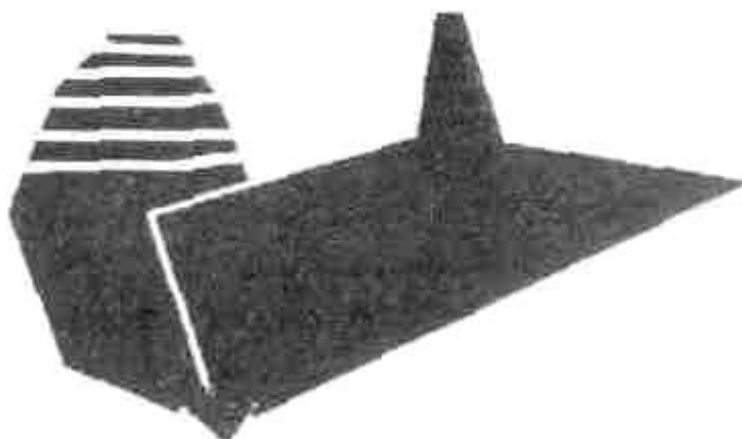

Рис.7. Совмещение традиционной и современной моделей социализации не дает новой интегральной модели. Обе исходные сохраняют свое значение, но традиционная модель, доминирующая на раннем этапе социализации, в дальнейшем деградирует и уступает место универсалистской модели, вследствие чего на поздних этапах социализации индивид оказывается как бы пребывающим в двух состояниях, становясь «культурно-расщепленной» личностью, маргиналом.

Конкуренция противоположных ориентации моделей воспитания захватывает изнутри всю систему ценностей личности и, в конечном счете, имеет своим результатом ее психосоциальную дезадаптацию. Конфликт на уровне культурных ориентации и ценностей приводит к формированию отклоняющегося поведения в быту и в деловой жизни, повышенной социальной тревожности и сниженной устойчивости к социальным стрессам, к утрате способности развивать профессиональные качества.

Социально дезадаптированная личность в большей мере предрасположена к развитию отклоняющегося поведения (недаром в современном обществе столь широко распространяется аддиктивное поведение [11]). Раз человек вынужден усваивать нормы поведения и ориентироваться на культурные стереотипы, которые нередко оказываются противоречивыми, он волей-неволей формирует в себе черты делинквентной личности. Поэтому важной социальной проблемой этнических меньшинств является широкое распространение асоциального (криминогенного) и аддиктивного (прежде всего, алкоголизм и наркомания) поведения, причем такое поведение развивается уже к

раннему подростковому возрасту: именно к этому времени традиционная модель социализации оказывается насильственно перекрытой и поглощенной универсалистской моделью.

Серьезнейшим изменениям подвергается и процесс формирования системы ценностей в ситуации маргинализации. Хорошо известно, что каждое общество, как и каждая историческая эпоха, обладает не вполне совпадающими системами ценностей. Условием этого оказывается не только сама по себе материальная жизнь, традиции прошлого, но даже и сам язык, способ мышления, свойственный представителям определенного этноса [12]. Хотя в процессе развития личности формирование системы ценностей происходит не на ранних этапах социализации, тем не менее, «человек двух культур» способен «вторично» усвоить системы ценностей, которые могут далеко не совпадать. Если общества, представителем которых оказывается этот человек, располагаются далеко друг от друга в социальном, экономическом, политическом или культурном отношении, система ценностей и установки «маргинала» могут быть внутренне противоречивыми, способными разрушить целостность личности (рис.8).

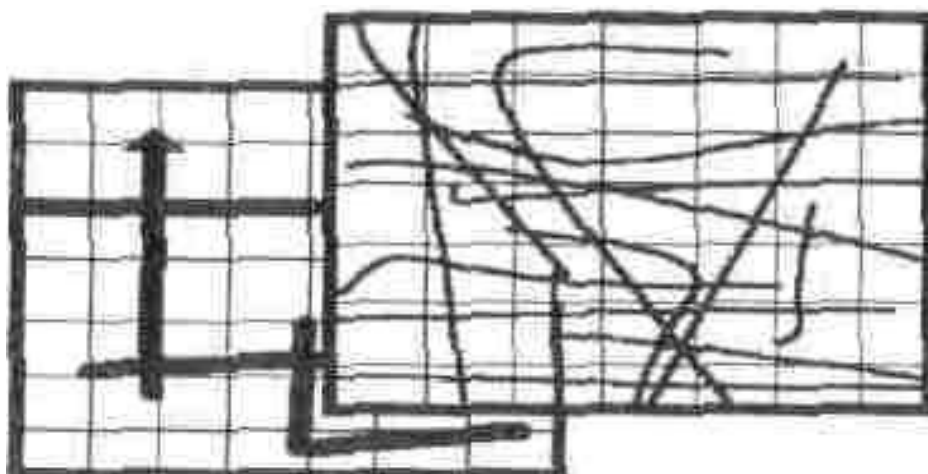

Рис.8. Маргинальная личность обладает как бы двумя частично перекрывающимися «экранами культуры». Это обуславливает свои проблемы для формирования системы понятий и всего мировоззрения индивидуума, поскольку созданные в процессе воспитания традиционный и современный образы мира остаются до конца несовместимыми и не позволяют развить целостное мировоззрение. Именно поэтому не только в области чувств, но и в своем самосознании, в области личностных диспозиций «человек двух культур» оказывается «расщепленным» индивидуумом.

Вследствие определенных генетических процессов, протекающих в малочисленных популяциях, их представители могут обладать рядом поведенческих особенностей и психологических черт, которые в своей совокупности создают колорит «национального характера» [13].

Преддетерминированность — генетическая обусловленность индивидуально-психологических особенностей, проявляющихся и в поведении, и в психологии личности, может нередко выступать неявным (бессознательным) критерием этнической идентификации. Маргинальная личность занимает и в генетическом смысле пограничное положение: такой человек может обладать наследственно обусловленными признаками поведения обоих родительских этносов, но не обладать своеобразием и уникальностью ни одного из них. Человек начинает ощущать себя бастардом, химерой, и такое предельно измененное самовосприятие может формироваться уже с подросткового возраста, со времени становления личности.

Развитие личности по маргинальному типу

На разных этапах социализации маргинализация личности проявляется сильнее или слабее в зависимости от влияния общественных институтов, подключающихся к данному процессу.

В период ранней социализации ребенок усваивает в культурно-преобразованной форме основные стереотипы поведения. Поскольку, как правило, в этот период ребенок воспитывается прежде всего в семье, то можно утверждать, что социализация протекает без серьезных социальных осложнений. Различий в процессе социализации между детьми разных национальностей, разных культур, нет (если не делать акцент на немногочисленных случаях явно отклоняющегося поведения).

Предшкольный и школьный периоды социализации (5-15 лет) — время всех основных деформаций личности, происходящих под влиянием социальных институтов. В этот период ребенок и подросток попадают под более интенсивный контроль социализирующих институтов, и значительная часть ответственности переносится с семьи — на школу. Непосредственное социализирующее воздействие семьи уменьшается, прежде всего, за счет школы и пребывания в интернате, а также за счет влияния «улицы»: дети больше проводят времени в кругу сверстников, интенсивнее погружаются в универсальную «поп-среду» массовой культуры. Они начинают все больше ориентироваться на стандарты «вмещающей» культуры, чуждой исходной, традиционной.

Когда большинство детей погружено почти целиком именно в эту

«поп-среду» и практически оторвано от семьи школами-интернатами, группами продленного дня в школе, а внимание родителей к тому, как и где проводит ребенок свое свободное время, снижено, все это постепенно, накапливаясь в течение целого десятилетия интенсивного «врастания» ребенка в культуру, приводит к необратимым изменениям в его системе ценностей, установок и в структуре личности. Вклад интерната, своеобразного сиротского заведения, здесь наибольший. Поэтому представители северных народностей, в массе своей обучающиеся в школах-интернатах, начинают все больше подпадать под воздействие маргинализирующей по своему характеру социализации. Но в силу того, что такое направление обеспечивается социальными институтами, процесс отклонения от нормальной социализации носит «узаконенный» характер и потому не осознается и не воспринимается как ненормальный (в социальном смысле).

Отсутствие должного внимания взрослых, слабое давление традиций, культурных поведенческих стереотипов, недостаточная погруженность в этикетные и ритуальные формы и преобладание одновозрастной (в социальном смысле диффузной) среды приводит к таким перекосам в личностном развитии, которые выражаются во все усугубляющемся неадаптивном поведении. В частности, ряд личностных особенностей в поведении и в представлениях у детей и подростков, прошедших «школу социализации» в интернатах, отличает их от сверстников, постоянно живущих в семье, причем все эти отличия в социальном смысле неадаптивны. Оказывается, что у этих детей наблюдается недоразвитие идеального плана: структура ценностей как бы «приземлена», доминируют ценности инструментальные, повседневные, имеющие временный характер.

В воображении и фантазиях этих детей и подростков доминируют повседневные желания. Осознанное отношение к будущему практически отсутствует, никакого отдаленного планирования нет. Они несамостоятельны во взаимоотношениях со взрослыми и со сверстниками. Преобладают экстрапунитивные реакции (перенос вины с себя — на других, нежелание принятия ответственности на себя), самооценка их неадекватна. Характер деловых контактов примитивен, организовать деятельность они способны в малой степени [14]. Иными словами, происходит нарушение (скорее даже неразвитие) функционально-ролевых представлений о своем месте в структуре инструментальных (предметных) и социальных отношений. Возрастные роли усваиваются искаженно, а часто и слишком поздно, что приводит к формированию у педагогов и родителей представлений об инфантилизме таких подростков и юношей. При этом ущербно или даже патологически развиваются и сексуальные ролевые ориентации.

Такая обобщенная — личностная, поведенческая и ценностная — деформация индивида в длительном процессе социализации от детского до юношеского возраста приводит к тому, что на завершающем этапе социализации эти дезадаптивные черты в развитии личности фиксируются, окостеневают, приобретая окончательную форму, и с таким-то вот «гандикапом» выходит во взрослую жизнь молодой член общества. Этот «хвост» патологии социального развития несравнимо сильнее выражен у молодых представителей малых этносов, чем у представителей «вмещающего» этноса.

На этапе поздней социализации, когда юноши и девушки из школы-интерната переходят в техникум, училище, вуз, где условия социального развития в общем-то мало отличаются от интерната, они имеют уже целый набор поведенческих стереотипов и ценностных ориентации, которые ставят их в положение «социальных инвалидов», требующих со стороны общества заботы и ухода. Для них характерны дезадаптивные реакции во всех основных социальных сферах: инфантилизм и несамостоятельность; неадекватное социо-сексуальное развитие, затрудняющее создание семьи, формирование родительского поведения, ведущее к развитию нарушений сексуального поведения; отчуждение от семейной и родственной группы (исключение родичей из круга близких людей и деградация самого этого круга); функциональная неразвитость: сниженная способность к инструментальной деятельности, деловым взаимодействиям и, как следствие этого, неадекватные рабочие качества, несоответствие уровня образования навыкам и умениям специалиста, неуверенность в своих способностях.

Все эти негативные воздействия, полученные на стадии зрелой социализации, усугубленные на поздних ее этапах, сказываются в период взрослой жизни достаточно длительно, нередко и до ее конца. Во всяком случае, процесс реадaptации, восстановление упущенного взрослым человеком занимает почти столько же времени, сколько занимал весь процесс социализации. В течение всех этих лет социальной реабилитации он испытывает трудности в личной жизни, в семье, трудности адаптации к профессии и усвоения профессиональных навыков. Трудности в сфере повседневного общения, где взрослый человек должен проявлять самостоятельность, инициативу и независимость, нередко воспринимаются как неразрешимые, и человек обращается в бегство от них.

Литература

1. Юнг К.Г. Психологические типы. Томск, 1993.
2. Социологическая концепция Фердинанда Тенниса // История буржуазной социологии XIX - начала XX века. М., 1979. С.164-179.
3. Плюснин Ю.М., Фофанов В.П. О возможности применения метода восхождения от абстрактного к конкретному в этологии // Проблемы методологии научных исследований. Новосибирск, 1982. С.36-42.
4. Этнические стереотипы мужского и женского поведения. Л.: Наука, 1991.
5. Сови А. Общая теория населения. Т.1, М., 1977.
6. Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934.
7. Брачность, рождаемость, семья за три века. М.: Статистика, 1979.
8. Eisenstadt S.N. Von Generation zu Generation. Munchen, 1966.
9. Плюснин Ю.М. Проблемы воспитания в условиях межкультурных взаимодействий // Актуальные проблемы нравственного воспитания. Новосибирск, 1987. С.27-36.
10. Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским этнографическим данным). Л.: Наука, 1987.
11. Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе. Новосибирск. Наука, 1990.
12. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление: психологический очерк. М.: Мир, 1977; Cox M.V., Batra P., Singhal S. A cross-cultural study of young children understanding of spatial prepositions // Intemst. I. of Behav. Develop. 1981. V.4, N 4. P. 409-476.
13. Плюснин Ю.М. Этнопсихологические особенности и культурная уникальность // Обновление: межнациональные отношения и перестройка. Л., 1989. С. 116-119.
14. Возрастные особенности психического развития детей. М.: Педагогика, 1982; Медико-санитарное обеспечение населения Крайнего Севера. Красноярск, 1982.